

ТАТАРСКАЯ И
КАРАИМСКАЯ
ОБЩИНЫ В XIX ВЕКЕ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ © *Тамара Байрашаускайте*

Демографическое состояние этноконфессиональных меньшинств в Литве до сих пор не исследовалось, поэтому историография проблемы практически отсутствует¹. Однако сохранившиеся источники позволяют, пусть даже с относительной достоверностью, приступить к реконструкции основных демографических характеристик литовских татар и караимов в период создания актов гражданского состояния – основного источника демографических показателей.

Начало систематического ведения метрических книг в общине литовских татар приходится на 40-е годы XIX в. в связи с подчинением Таврическому магометанскому духовному правлению и введением обязательного метрического учета. В караимской общине заметное улучшение метрического учета населения произошло в 70-х годах XIX в. после образования самостоятельного Караимского духовного правления в Троках. На репрезентативность исторического анализа заметное влияние оказывает степень сохранности метрических ведомостей. В случае татарской общины целостный комплекс составляют метрические ведомости двух приходов Виленской губернии: Немежского (Виленский уезд) и Сороктатарского (Трокский уезд). Немежский приход составляли околицы Немежис и Афендзевичи, хотя население последней регистрировалось и в сороктатарских ведомостях. Сороктатарский приход обслуживал местное население, также жителей околицы Козаклары и нескольких татарских застенков, расположенных вдоль реки Вака и Вилия (Нерис)². В случае караимской общины – это метрические ведомости Трок-

¹ О тенденциях демографического развития татарской семьи см.: *Bairišauskaitė T. Rodzina tatarska w świetle ksiąg metrykalnych (wiek XIX) // Biuletyn Historii Pogranicza. Białystok. 2006, nr 7, s. 27–40.*

² Татарские метрические ведомости хранятся в Литовском государственном историческом архиве (далее – ЛГИА) и в отделе рукописей Библиотеки Литовской академии наук (далее – БЛАН ОР): Книга для записи родившихся Трокского уезда Сорок Татарского прихода: 1833–1940, ЛГИА, ф. 603, оп. 1, д. 7; Книга для записи браков Трокского уезда Сорок Татарского прихода: 1833–1940, там же, д. 8; Книга для записи умерших Трокского уезда Сорок Татарского прихода: 1833–1940, там же, д. 9; Книга записей разводов в Сорок Татарском приходе: 1875–1938, там же, д. 10; Записка новорожденных

ского прихода (Виленская губерния, Троцкий уезд), в которых регистрировались жители Трока, Вильны и селения Новое Место Ковенской губернии Поневежского уезда, также метрическая ведомость регистрации браков Новомейской общины³.

На низкую точность метрического учета мог влиять повсеместный недоучет населения в России XIX в., отмечаемый специалистами по исторической демографии⁴. Этому же способствуют хронологические пробелы, характерные для татарских метрических ведомостей, в то время как в караимских ведомостях подобных пробелов нет.

Кроме того, общую картину искажает тот факт, что к приходскому духовенству с просьбой о регистрации в метрических ведомостях всех типов (рождения, брака и смерти) обращались лица, формально не принадлежавшие к приходу. Запись в ведомостях Сороктатарского прихода была доступна татарам, переселившимся в близлежащие местечки, немецанцам и виленчанам, имеющим, кстати, собственный приход на Лукишках. В данном случае можно предположить, что родной приход предпочитали выходцы из Сороктатарской околицы. В ведомостях Троцкого прихода велись записи о местных и крымских караимах, в основном купцах, торгующих в Западном крае, или чиновниках губернских и уездных учреждений.

Таким образом, отсутствие полноценных источников затрудняет реконструкцию брачности, рождаемости и смертности в обеих нехристианских общинах. Сохранившиеся источники позволяют воспроизвести демографическое поведение типичной татарской и караимской семьи только в общих чертах и выявить основные тенденции их демографического состояния.

Одним из важнейших показателей, определяющих демографическое поведение, является брачность. Анализ возраста вступления в брак, первых и повторных браков позволяет выявить общие закономерности, а также осо-

младенцев магометанского исповедания Немежского прихода и причисленной к оному околицы Афендзевичи в Виленском уезде, БЛАН ОР, ф. 305, л. 252 (1830–1868), л. 253 (1851–1852), л. 254 (1853–1860), л. 255 (1855), л. 256 (1856), л. 257 (1856–1860), л. 258 (1856–1868), л. 259 (1857); Книга о бракосочетавшихся и разведшихся магометанского исповедания Немежского прихода и причисленной к оному околицы Афендзевичи в Виленском уезде, там же, ф. 305, л. 260 (1830–1868), л. 261 (1851–1852), л. 262 (1854), л. 263 (1854–1857); Тетрадь метрическим сведениям за 1895–1897 гг., там же, ф. 305, л. 264; Об умерших (1858), там же, ф. 305, л. 265.

³ Караимские метрические ведомости хранятся в отделе рукописей Библиотеки Литовской академии наук: *Trakų karaimų bendruomenės metrikų (gimusiųjų, vedusiųjų, mirusiųjų) registracijos knyga: 1869–1895*, БЛАН ОР, ф. 301, л. 288; *Naujamiesčio karaimų bendruomenės santuokų registracija: 1859–1904*, там же, л. 278.

⁴ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. Москва, 1992, с. 79–87.

бенности, характерные для одной и другой общины. Следует отметить, что использованные показатели сопоставимы лишь отчасти, поскольку охватывают разное число лет, однако размещаются на том же хронологическом отрезке: второй половине XIX в., что позволяет предположить действие на демографию обеих общин тех же внешних факторов. Для татар – это 1871–1905 гг., когда сороктатарские муллы в метрических ведомостях стали указывать возраст брачующихся, также 1854–1892 гг. для Немежской общины. Для караимов это 1869–1895 гг., включая данные метрической ведомости Новомейской общины за тот же период.

Таблица 1. Возраст вступления в первый брак

Возраст	Число заключенных браков			
	Татары		Караимы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
16–20 лет	3	30	4	36
21–25 лет	9	11	34	48
26–30 лет	19	11	49	38
31–35 лет	14	3	22	6
36 лет и более	13	3	22	3
Итого	58		131	

Источники: АГИА, ф. 603. оп. 1, л. 8; БЛАН ОР, ф. 301, л. 278, 288, л. 142–174; ф. 305, л. 260 (подсчитано автором).

В татарской общине преобладало раннее замужество, более половины невест выходили замуж до 20 лет, а невесты старше 30 лет составляли исключение. В то же время мужчины женились поздно. Наиболее распространенный возраст жениха составлял 26–35 лет, однако встречались и поздние первые браки. Например, Халим Мустафович Милькаманович впервые женился в 60 лет на Розалии Ивановне Богданович, 45 лет, для которой замужество тоже было первым. Мотивы матримониального поведения, отражающиеся в возрастной структуре брачующихся, трудно оценить однозначно. Кажется, поздно женились чиновники, что могло быть связано со стремлением достичь определенного благосостояния, достаточного для содержания семьи. Так, в метрических ведомостях Сороктатарского прихода отмечен брак губернского секретаря Александра Яковлевича Богдановича, 35 лет, с дочерью отставного поручика Еленой Александровной Соболевской, 17 лет, также брак другой дочери Александра Соболевского Эвелины, 22 лет, с титулярным советником Иваном Яковлевичем Мурзичем, 36 лет. На девице из Немежиса Фелиции Томашовне Михаловской, 18 лет, в 1857 г. женился 28-летний коллежский секретарь, столоничальник Ковенского губернского правления Яков Степа-

нович Хазбеевич. Семейную жизнь позже начинали отставные военнослужащие: например, в 1860 г. в Немежисе на девице Фелиции Ивановне Маковецкой, 30 лет, женился отставной поручик Александр Давыдович Сюнекевич, 40 лет, и т. п.⁵ Однако основную массу брачующихся составляли лица без рангов и званий, выступающие в ведомостях как «дворянин и дворянка». Это были жители татарских околиц, в основном занимающиеся хозяйством.

В караимской общине большинство девиц выходило замуж до 30 лет, причем на возрастные пятилетние периоды приходилось почти одинаковое число невест (см. Табл. 1). Большинство мужчин женилось от 21 года до 30 лет, что позволяет делать вывод о том, что в общине преобладал стабильный тип матримониального поведения: создание семьи в наиболее фертильном возрасте. Вместе с тем, мужская часть общины не избегала поздних браков, в то время как вероятность замужества после 30 лет существенно снижалась. Поздние браки мужчин в основном не нарушали принципа фертильности семьи, так как невесты подыскивались молодые. Например, Троковский обыватель Иосиф Ильич Лабанос, 39 лет, взял за себя девицу Эмилию Ананьевну Абкович, 22 лет, или новомейский мещанин Авишай Семенович Пилецкий, 41 года, женился на девице Бассе Робачевской, 21 года⁶.

Особенности демографического поведения обеих общин могли заключаться в значительной разнице возраста жениха и невесты, причем в самых различных вариантах. Как в татарских, так и в караимских семьях эта разница составляла от двух до 20 и более лет, причем иногда (в татарских семьях зафиксировано 7 случаев, а в караимских – 18) жена на 2–7 лет была старше мужа. Неравномерное возрастное распределение внутри супружеских пар могло быть вызвано искажениями в циклической репродукции поколений, когда из-за высокой смертности населения в любом возрасте изолированные от внешнего матримониального влияния общины не могли удовлетворить потребности в женихах и невестах одногодках.

Предположительно одной из причин относительно поздних браков являлся экономический фактор. Препятствием раннему созданию семьи могли стать традиционные финансовые обязательства брачующихся, выполнение которых требовало определенного материального положения. В татарской общине это был *никах* жениха, предназначавшийся для выплаты жене в случае развода и записанный при свидетелях в брачном акте. Размер *никаха* колебался от 15 до 1000 рублей серебром в зависимости от состоятельности жениха. Его средний размер по данным метрических ведомостей Сорокта-

⁵ ЛГИА, ф. 603, оп. 1, д. 8, л. 33, 54; БЛАН ОР, ф. 305, д. 260, л. 19, 20.

⁶ БЛАН ОР, ф. 301, д. 288, л. 143, 148.

тарского прихода составил 160 руб. серебром. Следует иметь в виду, что жених не обязательно располагал заявленной суммой, однако она означала самооценку его материального достатка⁷. Караимы в брачный акт также при свидетелях вписывали двухсторонние финансовые обязательства: денежное приданое невесты, иногда оценку движимого имущества, обычно состоявшего в золотых и серебряных вещах, а со стороны жениха – сумму, предназначенную на подарки невесте и сумму, предназначенную на ее обеспечение (также в случае развода). Величина приданого невесты обычно колебалась между 50 и 2500 руб. серебром и только в зажиточных семьях намного превышала означенные суммы. Так, в 1875 г. трокский обыватель Альфонс Исаакович Шпаковской получил за Юлией Аполлоновной Мошкевич 16530 руб. серебром. Раиса, дочь губернского секретаря Еремея Марковича Юхневича, в 1888 г. принесла в приданое мужу, подпоручику 18 резервного кадрового батальона Осипу Соломоновичу Лопатто, 11000 руб. серебром, коллежский асессор, инженер путей сообщения Ромуальд Семенович Лопатто получил за дочерью динабургского купца Камилей Авдеевной Шпаковской 5000 руб. серебром., а Ольга Михайловна Шпаковская, в 1893 г. вышедшая замуж за трокского мещанина Саада Наумовича Лавриновича, получила в приданое от родителей 6000 руб. серебром. Обеспечение со стороны жениха было скромнее, но более высоким, чем у татар, – от 50 до 4000 руб. серебром (в среднем – 477 руб. серебром), в пяти случаях женихи декларировали обеспечение в 5000 руб. серебром, а упомянутые Ромуальд Лопатто и Саад Лавринович записали в обеспечение по 10000 руб. серебром⁸.

Женихи и невесты в основном происходили из ближайшего окружения, будь то члены местного прихода или прибывшие из других мест, находящихся на небольшом расстоянии от приходов. К сожалению, по татарским метрическим ведомостям географический ареал прибывших установить невозможно, однако факт появления в ведомостях единичных фамилий, не характерных для околиц Сорок Татар и Немежис, позволяет сделать вывод о том, что обмен женихами и невестами в основном происходил между татарскими поселениями Литвы и Беларуси. Браки с «чужаками», то есть мусульманами не литовско-татарского происхождения, были довольно редки. Так, в 1832 г. двух немежских девушек взяли в жены военнослужащие казацкого полка Курбунгален и Мадеев, а в 1864 г. Айша Улан вышла замуж за Мирзу Касима Абдулоглы Сепринова⁹. Караимская община также довольствовалась мест-

⁷ АГИА, ф. 603, оп. 1, д. 8 (подсчитано по данным о 102 брачующихся парах).

⁸ БЛАН ОР, ф. 301, д. 288 (подсчитано по данным о 115 брачующихся парах), частные случаи на л. 148об., 153об., 157, 159об., 163об., 164об., 167об., 172об.

⁹ Подробнее см. *Bainašauskaitė T. Rodzina tatarska...*, s. 33.

ными женихами и невестами, причем подавляющее большинство трочан женилось на трочанках, а новомейские караимы брали местных жен. Только в 15 случаях из 161 (также с учетом повторных браков), когда указано место происхождения брачующихся, брак состоялся между трокскими и новомейскими или поневежскими жителями. На матримониальном поведении караимов сказывались контакты с крымскими сородичами, иногда появлявшимися в Западном крае. Так, шесть трокских мещан и мещанок составили супружеские пары с караимами из Бахчисарая, Евпатории и Одессы¹⁰.

Традиционное аграрное общество, построенное на семейных отношениях, испытывало острую потребность в повторных браках. При высокой смертности частым явлением было овдовение в самом различном возрасте (от 29 до 60 и более лет), поэтому повторный брак восстанавливал структуру семьи, необходимую для ее материального обеспечения и репродукции. Причем в караимской общине вероятность повторного брака для вдовцов была несколько выше, чем для вдов. Об этом свидетельствуют различные варианты повторных браков: из зафиксированного 31 случая в 26 случаях вдовцы брали в жены девиц, в семи случаях брак совершился между вдовствующими лицами и только в двух случаях холостяк женился на вдове. В татарской общине этот показатель был несколько иным: в 9 из 17 известных случаев вдовам достались холостяки, в 7 случаях вдовцы женились на девицах и в одном случае вдовец женился на вдове. Однако подобные соотношения вряд ли свидетельствуют об особенностях демографического поведения, они могли возникнуть исключительно из-за половозрастных деформаций в составе общин. Редки были браки с разведенными лицами, будь то мужчина или женщина (3 случая у караимов и 2 – у татар).

Следует предположить, что до разводов в обеих общинах доходило редко, несмотря на то что в нехристианских конфессиях развод был более доступным, чем в католической или православной, максимально ограничивших возможность развода. Вероятность расторжения брака у татар и караимов предусматривал брачный контракт, а решение возлагалось на духовный суд,

¹⁰ Трокский мещанин Морнель-Леон Ананьев Абкович и одесская мещанка Камиля Соломоновна Лопатто; мещанин г. Евпатории Таврической губернии Фипес Аронов Малецкий и девица Мария Яков-Семеновна Лаврепкая из Трок; трокский мещанин Аврам-Семен Исаакович Дубинский и евпаторийская мещанка Сара Юфудовна Эль; трокский мещанин, разведшийся с первой женой, Иосиф-Ананий Иогодаев Лопатто и вдова бахчисарайского мещанина Акбик Ильева Ага; бахчисарайский мещанин Эзра Самойлович Шоле и трокская мещанка Камиля Иосифовна Лабанос; трокский мещанин Елиель-Александр Исаакович Шпаковский и евпаторийская мещанка Гюлюш-Ольга Яковлевна Шпаковская, БЛАН ОР, ф. 301, л. 288, л. 158об., 164, 169об., л. 17об.

который руководствовался религиозными нормами. Сведений о расторжении брака сохранилось крайне мало: в метрических ведомостях о разводах Сорокятарского прихода за 1874–1901 гг. сделано всего девять записей, причем две относятся к одной и той же супружеской паре. В делах Троцкого караимского духовного правления сохранилось всего пять бракоразводных дел с конца XIX – начала XX в., что не означает отсутствия разводов в более ранний период.

За кажущейся простотой развода стояли веками отшлифованные семейные ценности: забота о содержании семьи, воспитание детей, супружеская верность, взаимное уважение, трезвый образ жизни. Несоблюдение этих норм воспринималось как нарушение правил общежития и служило серьезной причиной для развода. В татарских источниках оно отразилось в лаконичных формулах «несходство характеров, несогласие, постоянные ссоры и невзгоды в жизни, несчастье в семейной жизни, один к другому не имели удовольствия», вписанных муллой в графе «причины развода» в обязательном присутствии двух свидетелей – мужчин¹¹. В караимских источниках бракоразводные дела представлены подробно с объяснениями обеих сторон, показаниями свидетелей, протокольными решениями духовного суда, состоявшего из гахама и газзана, иногда с привлечением «ученых мужей» – толкователей священных книг. Мотивы неудачного брака конкретизируются: неспособность мужа материально содержать семью, безответственное отношение к воспитанию детей, пристрастие к вину и картам, расточительность жены, супружеская неверность, конфликтные отношения, подогреваемые вмешательством родственников. Причем инициаторами развода могли выступить муж или жена, а суд должен был выслушать аргументацию обеих сторон, подкрепленную доказательствами. После развода дети обычно оставались за матерью, а отцу вменялось в обязанность их содержание. О некоторой формализации традиции обеспечения разведенных жен свидетельствует отказ мужей выполнять брачный контракт, т. е. выплатить обеспечение и вернуть приданое. В таких случаях духовный суд был бессилен и предлагал бывшей жене предъявлять гражданский иск¹².

¹¹ ЛГИА, ф. 603, оп. 1, д. 10, л. 27, 28, 32, 34, 39, 43, 52.

¹² Дело о расторжении брака супругов новомейских меццан Семена Иеремеевича и Деворы (Дарыи) Шелуммель Захарьевны Грогулевичей: 1899–1909, БЛАН ОР, ф. 301, д. 306; Дело о расторжении брака трокских караимов Елизера и Батшевой Дубинской: 1904–1911, там же, д. 315; Дело о расторжении брака супругов Элеонора-Семена Исаевича и Эстеры Яковлевны Шпаковских: 1911–1912, там же, д. 336; Дело о бракоразводе супругов Иосифа Юлиановича и Надежды Яковлевны Новицких: 1911–1912, там же, д. 337; Дело о бракоразводе супругов Саула Марковича и Сарры Иосифовны Каплановских: 1911–1915, там же, д. 338.

Важным демографическим показателем, от которого зависит регенерация общины, является уровень рождаемости. По отношению к татарской общине его установить труднее из-за немалых пробелов в регистрации новорожденных, особенно девочек, родившихся в деревнях и застенках, а также умерших младенцев. Так, в метрических ведомостях об умерших сделаны записи о 16 мальчиках и 12 девочках, которых нет в ведомостях о рождении, хотя это были дети, родившиеся в семьях, которые зарегистрировали других детей¹³. Похоже, караимская община своих новорожденных считала намного точнее, поскольку все умершие дети записаны и в ведомостях о рождении.

Таблица 2. Состав татарской и караимской семьи по данным метрических ведомостей о рождениях

Община	Число отцов	Число матерей*	Дети		Число родившихся детей в семье**					
			сыновья	дочери	1–2	% от общего числа семей	3–4	% от общего числа семей	5 и более	% от общего числа семей
Татарская (1833–1905 гг.)	110	115	184	115	73	63,5	24	20,9	18	15,7
Караимская (1869–1895 гг.)	176	183	296	274	89	48,6	55	30,1	39	23,1

* число матерей и отцов не совпадает, так как учтены незаконорожденные дети и дети от повторных браков.

** не учтены дети, родившиеся у приезжих караимов, когда ни один член семьи не происходил из местной общины. Это семьи купцов из Таврической губернии Шипмана Якова Иосифовича и Анны Бернардовны, урожденной Барус; Исаака Наумовича и Бенгт Дурунчи; Одесского потомственного почетного гражданина Исаковича Самуила Исаковича и Рахели Семеновны, урожденной Малнуби (БЛАН ОР, ф. 301, д. 288, л. 21, 25об, 29об, 42)

Источники: БЛАН ОР, ф. 301, д. 288, л. 1–82; ф. 305, д. 252–259; ЛГИА, ф. 603, оп. 1, л. 7 (подсчитано автором)

Различия в уровне рождаемости в татарской и караимской общинах довольно незначительны. В караимской общине преобладали многодетные семьи, которые составляли 51,4 % от общего числа семей. В татарской общине этот показатель был меньше – 36,5 %, однако он может оказаться заниженным из-за пробелов в учете новорожденных. Равным образом на репрезентативность данных по отношению к обеим общинам могло повлиять то обстоятельство, что в некоторых семьях рождались дети в периоды, не охваченные метрическими ведомостями. Понятие многодетности семьи является

¹³ Подробнее см. *Bairšauskaitė T. Rodzina tatarska...*, s. 36–37.

относительным, так как в среднем в татарской семье рождалось 2,6 детей, а в караимской – 3,1 (средняя численность семей соответственно составляла 4,6 и 5,1 человек). В некоторых многодетных семьях татар и караимов рождалось по 7–10 детей¹⁴. За весь рассматриваемый период уровень рождаемости оставался практически стабильным, несмотря на его колебания за пятилетние периоды. Так, в 1869–1893 гг. (пять пятилетних периодов) в Сороктатарской общине каждые пять лет в среднем в год рождалось 4, 5, 3, 5, 3 детей, в караимской общине соответственно – 22, 21, 20, 19, 25 детей¹⁵.

Однако высокий уровень рождаемости сопровождался высокой смертностью в младенческом и детском возрасте, что существенно снижало фактическую численность семей. Так, в Сороктатарской общине в рассматриваемый период родилось 204 ребенка, а до пятилетнего возраста, наиболее подверженного детским болезням и инфекциям, умерло 39 детей, или 19,1 % от общего числа родившихся. В караимской общине родилось 570 детей, а до пятилетнего возраста умерло 168, или 29,5 %, причем почти половина умерла в младенческом возрасте.

Из-за отрицательных демографических показателей в караимской общине с трудом поддерживалась численность членов общины, несмотря на то что уровень рождаемости превышал уровень смертности (570 против 378 человек). В Сороктатарской общине людей умерло больше, чем родилось (соответственно 248 против 204 человек), что также должно было отрицательно влиять на численность населения общины.

Возможно, на поддержание численности членов общин оказывал влияние баланс поколений, который в Сороктатарской общине выравнивался за счет более высокой смертности людей старше 60 лет (37,5 % от общего числа умерших). В караимской общине смерть в основном уносила детей до пятилетнего возраста (44,4 % от общего числа умерших), а доля людей старше 60 лет составляла 25,4 %, однако высокая рождаемость все еще компенсировала утраты.

¹⁴ Например, 10 детей родилось в семье Александра и Меремы Сафаревичей, 9 детей было у Юзефа и Елены Полторакевичей, по 8 детей – у Александра и Айши Соболевских, Степана и Айши Соболевских, Амурата и Анны Сафаревичей, по 7 детей – у Салиха и Елены Богдановичей и Матвея и Меремы Милькамановичей (все семьи записаны дворянскими). В караимской общине многодетными были: мещане Иосиф и Рахеля Дубинские, Иосиф и Эмилия Лабанос (по 10 детей); Хайм и Асса Дубинские, псковский купец Михаил и Рахеля Шпаковские (по 9 детей), мещане Марк и Камилла Лавриновичи, Рувим и Зефира (вторая жена Эдида) Лопатто, Иосиф и Анна Поземские, динабургский купец Овадий и Сара Шпаковские (по 8 детей); Юлиан и Сусанна Кобецкие, Семен и Анна Новицкие, Авинадав и Рахеля Роецкие (по 7 детей).

¹⁵ Подсчитано на основании метрических ведомостей о рождении: БЛАН ОР, ф. 301, л. 288, л. 1–79; АГИА, ф. 603, оп. 1, д. 7, л. 33–114.

Таблица 3. Смертность среди татар и караимов

<i>Возраст</i>	<i>Татары (околица Сорок Татар) 1833–1905 гг.</i>		<i>Караимы 1869–1895 гг.</i>	
	Мужской пол	Женский пол	Мужской пол	Женский пол
До 1 года	4	2	34	24
1–5 лет	23	10	58	52
6–15 лет	14	5	12	15
16–20 лет	7	16	1	5
21–30 лет	10	14	3	8
31–40 лет	9	10	4	10
41–60 лет	11	30	28	28
60 и более лет	45	48	49	47
Всего	123	125	189	189

Источники: АГИА, ф. 603, оп. 1, д. 9; БЛАН ОР, ф. 301, д. 288, л. 212–264 (подсчитано автором)

Метрические ведомости являются источником информации о том, отчего умирали люди в XIX в. На примере татарской и караимской общин также можно отметить болезни, характерные для одной или другой общины. Однако причины этого явления требуют специального исследования. Определение причин смертности среди членов обеих общин лежало скорее на ответственности лиц, заполнявших метрические ведомости, чем опиралось на диагноз врачей. Содержание записей отражает уровень медицинских знаний населения, так как причины смерти фиксировались в повседневных терминах.

Таблица 4. Причины смертности среди татар и караимов

<i>Причины смерти в терминах метрических ведомостей</i>	<i>Число указанных случаев</i>	
	Татары (околица Сорок Татар) 1833–1905 гг.	Караимы 1869–1895 гг.
Внутренний веред (<i>гнойный нарыв</i>); внутренняя болезнь	48	121
Падучая болезнь (<i>эпилепсия</i>)	1	28
Конвульсии	6	0
Удушливая болезнь, одышка	1	33
Водяная опухоль	3	7
Горячка	17	6
Чохотка	54	6
Детская болезнь	11	7
Дифтерит	2	1
Скарлатина	3	3

Продолжение таблицы 4.

Причины смерти в терминах метрических ведомостей	Число указанных случаев	
	Татары (околица Сорок Татар) 1833–1905 гг.	Караимы 1869–1895 гг.
Оспа	5	30
Золотуха	0	7
Одра (<i>корь</i>)	3	3
Тиф	3	9
Холера	0	9
Воспаление легких, эмфизема легких, воспаление в груди	8	8
Воспаление желудка, заворот кишок	5	4
Порок сердца, разрыв сердца	0	7
Апоплексия	0	2
Рак	4	4
Роды	4	3
Другие болезни (единичные или неустановленные случаи)	28	27
Несчастные случаи	4	2
Старость	36	56
Всего	248	379

Источники: ЛГИА, ф. 603, оп. 1, л. 9; БЛАН ОР, ф. 301, л. 288, л. 212–264 (подсчитано автором)

Итак, основной причиной смерти, прежде всего детей, но иногда и взрослых, в караимской общине указывался «внутренний веред», что в прямом смысле означает 'гнийный нарыв'. Иногда использовался обобщающий термин «внутренняя болезнь». Трудно установить действительный смысл этих определений. Под «вередом» могла подразумеваться дизентерия, чрезвычайно распространенная болезнь XIX века, но никак не отраженная в метрических ведомостях. Подверженность инфекционным заболеваниям свидетельствует об отсутствии гигиенических навыков. Смертельные исходы наступали при трудноизлечимых заболеваниях скарлатиной, корью, дифтерией, крупом, оспой, тифом и холерой. Те же инфекционные заболевания могли скрываться за неопределенным термином «горячка», означавшим болезни, сопровождавшиеся жаром и лихорадкой. Часто встречающийся термин «удушливая болезнь» говорит о тяжелых заболеваниях легких и дыхательных путей. Пожилой возраст (около 60 лет) предполагал первопричиной смерти старость и дряхлость, поэтому она указывалась в метрических ведомостях, без попыток доискаться действительной причины смерти. Люди XIX в. распозна-

вали такую болезнь, как рак. Довольно интересен тот факт, что татарские и караимские женщины редко умирали при родах. В караимском источнике часто встречается «падучая болезнь», или эпилепсия, которой практически не знали в Сороктатарском приходе. Между тем жизнь татар часто уносила чахотка, редко встречающаяся у караимов.

В конечном итоге метрические ведомости татарской и караимской общин позволяют хотя бы в приближении выделить следующие тенденции демографического развития обеих общин:

1. Модель матримониального поведения татар и караимов опиралась на относительно раннее замужестве женщин и поздние браки мужчин, что специалистами по исторической демографии относится к европейскому типу брачности, во второй половине XIX в. характерному также для западного региона Российской империи, охватывающего среди прочих Виленскую и Ковенскую губернии¹⁶, где проживали татары и караимы. В маленьких общинах актуальны были повторные браки, наступавшие после овдовения и редко – после разводов. К сожалению, метрические ведомости не позволяют установить степени окончательного безбрачия, что позволило бы судить о том, какая доля членов общины не принимала участия в ее регенерации. Невысокая доля внебрачных рождений (в татарской общине – четверо детей, причем трое – у одной матери, в караимской – 7 детей, из них двое – у одной матери–вдовы) больше свидетельствует в пользу высокой степени брачности в общинах, чем наоборот.
2. По уровню рождаемости татарские и караимские семьи можно отнести к смешанному типу, который предполагает приблизительно равную долю малодетных и многодетных семей. Источники рассматриваемого периода и регионов практически не дают основания говорить о повышении или снижении уровня рождаемости в обеих общинах. Однако высокая смертность детей в караимской общине и преобладание смертности над рождаемостью в татарской общине могут указывать на тенденцию снижения численности членов общин.

¹⁶ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Москва, 1977, с. 111–112.